

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ

Есть немало отраслей человеческого знания, для разработки которых необходимы усилия исследователей смежных специальностей. Оформление этих пограничных областей в самостоятельные дисциплины возможно лишь на определенном уровне развития науки: оно в то же время открывает новые возможности для более глубокого проникновения в казалось бы уже хорошо известные факты. Именно так, в частности, столетие тому назад возникло, объединив лингвистов и историков, систематическое изучение систем родства, ставшее теперь уже традиционным разделом этнографии. В какой-то мере сходная судьба и у той отрасли этнографической науки, которая в равной степени затрагивает интересы историков, лингвистов, географов, социологов и историков культуры. Речь идет об изучении имен собственных — ономастике.

По вопросам, так или иначе относящимся к предмету ономастики, уже написано немало. За последние десятилетия за рубежом все разделы ономастики получили большое развитие: существуют специальные организации, издаются журналы, проведено девять международных конгрессов. Уже давно вопросы ономастики занимают значительное место и в работах советских исследователей. Однако надо признать, что многие важнейшие теоретические проблемы собственного имени как социального и этнического явления еще не получили своего разрешения.

В СССР работы по ономастике велись в Академиях наук ряда союзных республик, особенно на Украине и в Прибалтике. В 1967 г. начали работать две группы ономастики и в Академии наук СССР: в Институте этнографии и Институте языкознания. Этими группами руководит В. А. Никонов.

* * *

Антропонимия, ее история и закономерности развития — первая крупная проблема, которой была посвящена работа группы ономастики Института этнографии АН СССР¹. Своеобразным теоретическим введением в эту проблематику явился доклад В. А. Никонова «Личное имя — социальный знак», прочитанный в Институте этнографии в 1966 г. и опубликованный затем на страницах журнала «Советская этнография»².

И. В. Бестужев-Лада (Москва), выступивший с докладом «Исторические тенденции развития имен собственных», охарактеризовал основные этапы в эволюции собственных имен и те «кризисные периоды», которые лежат на грани двух соседних этапов. По мнению автора, такой «кризис» в настоящее время переживает европейская антропонимия. Обобщив большой материал, докладчик предложил свою классификацию антропонимических зон у современных народов мира.

В докладе М. В. Крюкова (Москва) «Спорные вопросы истории фамилий у народов Восточной Азии» сделана попытка проследить историческую взаимосвязь различных категорий личных и наследственных имен. Анализ материала по средневековым и современным фамилиям китайцев, тибетоязычных цизу и некоторых групп малаеязычного населения ю. Тайвань, привел автора к выводу о том, что связующим звеном между личным именем и современной фамилией является образованное от имени предка наследственное прозвание, которое в отличие от фамилии непостоянно и может изменяться после 3—4 поколений. Вывод этот согласуется с закономерностью, прослеженной в свое время В. К. Чичаговым на примере истории русских фамилий³.

¹ Помимо сотрудников Ин-та этнографии АН СССР, в работе группы принимают участие представители других научных учреждений Москвы: Научного совета по социальному прогнозированию, Ин-та языкознания АН СССР, Ин-та народов Азии АН СССР, редакций журналов «Вопросы языкознания», «Народы Азии и Африки».

² В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак, «Сов. этнография», 1967, № 5.

³ В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1954.

Одному из ведущих вопросов современной антропоники народов Советского Союза — «второму имени» было посвящено сообщение Е. И. Рудных (пос. Казачье, Якутская АССР) «Вторые имена у якутов». Опираясь на собственные наблюдения, Е. И. Рудных рассказала о ныне существующих у якутского населения обычаях давать «вторые имена» (ими сейчас как правило бывают якутские имена) и прозвища. В сообщении были приведены интересные примеры вторых имен и прозвищ.

Группа обсудила вопросник о мотивах выбора имени, по которому будет проведен опрос родителей (в органах ЗАГС).

Наряду с антропонимией в работе группы ономастики Института этнографии АН СССР значительное место заняли вопросы, связанные с этнонимией, той отраслью ономастики, которая особенно тесно связана с этнографией.

Ведь действительно, как невозможно себе представить человека без имени, так нельзя найти в мире большого или малого народа, этнической или этнографической группы, которая бы не имела своего названия. История происхождения этнонимов бывает самой различной. Иногда за народом закрепляется его самоназвание, а иногда народ бывает известен под именем, которое ему дают его соседи. Встречаются простые и сложные этнонимы; некоторые из них несут на себе отпечаток специфики материальной или духовной культуры народа. За каждым этнонимом ныне существующего или давно исчезнувшего народа стоит длительная и сложная история. Нередко этнонимы переживают народы, которым они первоначально принадлежали и, являя собой прекрасный памятник давно ушедшим поколениям, связывают воедино прошлое и настоящее. Вот почему изучение этнонимов должно помочь выяснению многих сложных вопросов истории народов, пролить свет на их культурные, хозяйственные, этнические и политические связи. Этнонимика является ценным источником для исследования проблем этногенеза.

Однако, несмотря на свою важность, этнонимия — малоизученная область ономастики. Сообщения и доклады, посвященные этнонимам различных народов и заслушанные на заседаниях группы ономастики, представляют собой лишь первые шаги в разработке вопросов этнонимии.

Всего до осени 1967 г. на заседаниях группы было заслушано и обсуждено 8 этнонимических докладов. Из них 2 доклада посвящены анализу этнонимов тюркских народов. В сообщении Г. Ф. Благовой (Москва) «Этноним казахов» главное внимание обращено на историю этого термина в русской литературе. Автором также сделана попытка выяснить этимологию этого термина и увязать его с понятием «казмаг», обозначающим в тюркских языках человека, ушедшего на заработки в чужие края, отделившегося, отколовшегося от своего племени.

Т. И. Тепляшина (Москва) в докладе «Этноним бесермян» на обширном архивном и полезовом материале убедительно показала, что этот этноним, которым и в настоящее время обозначается одна из этнографических групп удмуртского народа, нельзя связывать с понятием «бусурман». По ее мнению этноним бесермян связан со словом «бисер», которое в свою очередь восходит к древнебулгарской лексике. Это слово до сих пор бытует в языке бесермян, в то время как у соседних с ними удмуртов для обозначения бисера существует другой термин. Для аргументации своего вывода Т. И. Тепляшина привлекает и этнографические данные, согласно которым у бесермян до настоящего времени сохранился обычай украшать свои одежды бисером. Интересной представляется и попытка автора связать отдельные элементы быта бесермян и даже их этноним с булгарами, что согласуется с имеющимися гипотезами по этногенезу бесермян⁴.

В интересной, увлекательной форме рассказал о судьбе блуждающего этнонима одного из арабских племен — кинда — Ю. Н. Завадовский (Москва). Судьба этого этнонима позволяет по-новому осветить многовековую историю племени, прошедшего путь с юга Аравийского полуострова вдоль побережья Средиземного моря вплоть до Мали. В настоящее время кинда, живущие в Мали и Мавритании и насчитывающие 100 тыс. чел., продолжают свое движение, но теперь уже на восток — к озеру Чад.

В некоторых докладах были затронуты вопросы этнонимии народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Так, в сообщении С. И. Вайнштейна (Москва) сделана попытка увязать происхождение этнонима Тува с проблемой этногенеза тувинского народа.

Обширный материал по историческим названиям Кореи с глубокой древности до настоящего времени (более 200 названий) был обобщен в докладе Л. Р. Концевича (Москва).

Вопросы происхождения и этимологии этнонима одного из древнекорейских народов — этнонима когурё были поставлены в сообщении Р. Ш. Джарылгасиновой

⁴ С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 148—149; В. Н. Белицер, *Удмурты, «Народы Европейской части СССР»*, т. 2 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 474—475.

(Москва). Анализируя различные варианты записи этого термина в китайских исторических источниках первых веков н. э., докладчица привлекла для их интерпретации данные, позволяющие предполагать возможность гетерогенного происхождения этнонима когурё.

В докладе М. А. Членова (Москва) «Этнонимы населения западного Серама (Индонезия)» совершенно справедливо раскритикованы употребляющиеся в западно-европейской и советской этнографической литературе названия для населения этой части Молуккских островов — такие, например, как «альфуры — алифуры», имеющие религиозную окраску, а также «патасива» и «паталима», обозначающие не этническую, а политическую общность, близкую по структуре к союзу племен. Основываясь на своих полевых наблюдениях, автор склонен присоединиться к мнению немецких этнографов, работавших на Молуккских островах в 1937 г., и предлагает использовать в качестве этнонимов для населения западного Серама самоназвания двух основных народностей данной области — вемале и алуне.

Содержательным был и доклад Г. И. Анохина (Москва) «Этноним фарерцы», в котором на богатом материале рассматривался комплекс проблем расселения скандинавских народов.

Доклады по этнонимии, заслушанные на заседаниях группы ономастики — лишь начало в разработке проблем этой науки. На повестке дня группы сообщения об этнонимах ряда советских (эвенки, калмыки и др.) и зарубежных (отдельные народы Индокитая, Китая, Индонезии и др.) народов. Более полно материалы по этнонимике будут освещены в готовящемся к печати сборнике «Этнонимы» (15 а. л.).

Группа этнической ономастики при Институте этнографии АН СССР лишь недавно приступила к работе и сейчас еще рано подводить итоги. Но об одном итоге все же хочется сказать — группа этнической ономастики создана, растет ее научный актив расширяется круг проблем, ждущих своего освещения.

В ближайшее время основное место в работе группы займет подготовка совместно с Институтом языкознания АН СССР Всесоюзной конференции «Личное имя», которая будет проводиться в Москве весной 1968 г.

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков

* * *

В задачи группы ономастики Института языкознания АН СССР входит теоретическое изучение общих проблем и работа по прикладной ономастике, глобальные и ареальные исследования географических названий, личных имен, фамилий.

На первых заседаниях группы заслушаны доклады В. Э. Сталтмане и Л. П. Калакуцкой (Москва) о русской передаче славянских фамилий, В. Е. Михайловича (Югославия) о новгородско-южнославянских параллелях в личных именах, Н. А. Баскакова (Москва) об этимологии некоторых русских фамилий, Т. Н. Леоновой (Москва) о топонимии Западной Сибири.

В каждом докладе вскрывались новые неизученные проблемы, существующие для того или иного языка или района. Так, например, доклад В. Е. Михайловича показывает особую тесную языковую связь древнего Новгорода с Балканским полуостровом. Ни в одной другой части России нет такого числа общих черт с языками Югославии, как в Новгороде. Составляемый сейчас в Институте славяноведения Карпатский лингвистический атлас поможет выяснению причин столь разительных совпадений собственных имен и нарицательной лексики Новгородской земли и Югославии.

Начатое Н. А. Баскаковым исследование родословных знаменитых русских семейств с параллельным выяснением происхождения их фамилий показало, что очень многие русские дворянские фамилии по своему происхождению тюркские (Вельяминов, Куракин, Беклемишев). Фамилии эти возникли либо у выходцев из областей, заселенных тюркоязычными народами (татары, перешедшие на службу к русскому государю), из их татарских имен и прозвищ, либо у русских из прозвищ — слов тюркского происхождения. Следует также отметить большую четкость морфологических построений в естественно сложившихся фамилиях: форма Куракин, а не Кураков, например, свидетельствует о том, что в основу фамилии положено прозвище Курака, а не Курак, и что среди нарицательных следует искать именно форму, оканчивающуюся на -а, не делая «натяжек» путем привлечения созвучных слов, оканчивающихся на согласный.

Т. Н. Леонова составила первую топонимическую карту Тюменской области, убедительно показывающую ареалы расселения хантов, манси, селькупов и других народов в Нижнем Пообье.

Е. И. Рудных (пос. Казачье, Якутская АССР) доложила о современных процессах, протекающих в топонимии Якутии.

Огромный интерес вызвал доклад В. А. Москвича (Москва) «Товарный знак». Наименования производственных и торговых объектов, давно изучаемые за рубежом, у нас впервые стали предметом научного исследования. Горячее обсуждение показало, насколько актуальна эта тема, затрагивающая широкие круги населения, которому доводится порой приобретать лапиды в магазине «Космос», а в магазине «Ландыш» — запасные части к мотоциклу.

А. В. Суперанская

* * *

Группы ономастики Института языкознания и Института этнографии АН СССР совместно с Ульяновским педагогическим институтом провели в г. Ульяновске с 18 по 22 сентября 1967 г. Первую Поволжскую конференцию по ономастике. За пять дней конференция заслушала 74 доклада, посвященных самым различным аспектам ономастики, среди них — 43 доклада по топонимике, 16 — по антропонимике, 5 — по этнонимике.

Тематика конференции не ограничивалась лишь проблемами ономастики Поволжья, хотя им, естественно, уделялось наибольшее внимание. Широкий круг тем и актуальность поднятых вопросов несомненно способствовали тому, что конференция привлекла внимание многих ученых, в том числе этнографов. Впервые столь ярко проявилась связь ономастики с практикой — с работой комиссий по переименованиям и, прежде всего, с работой отделов ЗАГС. Практическим вопросам антропонимии, трудностям, с которыми встречаются работники ЗАГС и помощи, которую они ждут от ученых, был посвящен заслушанный на пленарном заседании доклад заведующего отделом ЗАГС при Совете Министров РСФСР Н. А. Белька. На открытии конференции выступила также М. К. Шарашова (Москва) с докладом, посвященном анализу собственных имен в произведениях В. И. Ленина, и В. А. Никонов (Москва) с докладом «Названия улиц Симбирска — Ульяновска». Он отметил значение микропонимии в качестве историко-этнографического источника; так, например, по названиям улиц и кварталов города удалось определить местоположение первоначального мордовского селения на месте нынешнего Ульяновска.

Дальнейшая работа конференции проводилась в секциях: антропонимии (с подсекциями тюркской и финноугорской антропонимии), этнонимии, топонимии (с подсекциями гидронимии, микропонимии, тюркской и финноугорской топонимии) и методических проблем.

Ряд докладов представил бесспорный интерес для этнографов.

Я. В. Чеснов (Москва) в докладе «Принципы подхода к этнонимам как к источнику по этногенезу» предложил стратиграфическую классификацию этнонимов. Характер этнонима, по его мнению, несет в себе указание на стадию социального развития данного народа и его культурно-хозяйственный тип.

Два близких по теме доклада Е. В. Ухмылиной (Горький) и В. И. Тагуновой (Муром) были посвящены названиям и прозвищам русского населения Горьковской и Владимирской областей — типа «мураши», «павлы», «водохлёбы» и т. д. Необходимость изучения подобных названий очевидна. Е. В. Ухмылина предложила употреблять термин микроэтноним для обозначения прозвищ жителей населенных пунктов. В прениях по этим двум докладом была отмечена генетическая связь между так называемыми микроэтнонимами и собственно этнонимами.

В. А. Никонов в докладе «Формы этнонимов» осудил игнорирование формантов, образующих этнонимы.

Некоторые доклады были посвящены выяснению этногенетических проблем на топонимическом материале. В. П. Кобычев (Москва) выдвинул гипотезу о существовании раннетюркских и ранне-финно-угросамодийских элементов в топонимии и этнонимии Кавказа. Для подтверждения этой мысли автор привлек разнообразный языковой, топо- и этнонимический материал практически со всего евразийского материка. Доклад вызвал горячие споры. О. Г. Молчанова (Томск) определила на основании исследования 5000 топонимов Горного Алтая наличие двух пластов в топонимии края — тюркского и нетюркского. Вопрос о стратиграфии этих слоев остается пока открытым. Скрещивание трех топонимических пластов — финноугорского, тюркского и балтийского, видимо, отражающих прежнюю этническую структуру этого района, проанализировал в своем докладе «Корни и форманты в гидронимии Полицыня» Н. И. Панин (с. Желанное, Шацкий р-н, Рязанской обл.). Л. Л. Трубе (Горький), исследовав ряд топонимов Горьковской области, образованных, по его мнению, от этнонимов мешёра, мордва, хазары, пришел к выводу, что эти названия фиксируют стыковые районы исторического расселения этих народов. Н. Я. Макарычева (Горький), рассматривая топонимы Горьковской области, образованные от этнонима карел, утверждает, что они принесены не карелами, а русскими переселенцами с севера России. Доклад Д. В. Деопика и М. А. Членова (Москва) посвящен обоснованию возможности реконструкции фонетического состава языков исчезнувших народов Ин-

донезии на базе топонимии. Докладчики изложили также методику статистической и машинной обработки массового топонимического материала.

Интересный аспект в изучении топонимии был освещен в докладе Г. М. Пономаренко (Горький) «Наивная этимология как элемент фольклора». Не отвергая общепринятого мнения о невозможности этимологизации топонима на базе так называемой народной этимологии, докладчица обратила внимание на ценность этих фантастических объяснений в качестве исторического источника или образчика фольклора.

Характеристике конкретных топонимических ареалов были посвящены доклады В. П. Дарбаковой (Москва) «Историко-географическое значение названий гор в Монгольской Народной Республике», Э. Г. Беккер (Томск) «Об информации, которую несут некоторые селькупские термины», Г. И. Донидзе (Москва) «Гидронимические термины в тюркских языках», и другие. А. Б. Булатов (Казань) сообщил о незамеченных ранее тюркоязычных топонимах в районе Поволжья, найденных им в описаниях путешествия Ибн-Фадлана, на карте Фра-Мауро и на других европейских картах XV—XVI вв. Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола) выдвинул новую гипотезу о вызывающем много споров происхождении гидронима Волга. По мнению докладчика, объяснение этому гидрониму следует искать в балтийских языках.

Интересные этнографические выводы содержались и в докладах по антропонимии. Доклад Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) был посвящен явлению «вторых» имен у корейцев Советского Союза. Приобретение ими «второго» русского имени рассматривалось автором как проявление определенного культурного сближения корейского и русского населения Средней Азии. М. В. Крюков (Москва) на примере китайской антропонимии охарактеризовал социальную природу личного и наследственного имени, указывающего на положение его носителя в определенной социальной системе.¹ Г. А. Архипов (пос. Яр, Удмуртской АССР) рассказал о родовых именах удмуртов, сохранившихся в топонимии Удмуртии. Н. Ф. Мокшин (Саранск) посвятил свой доклад реконструкции дохристианских мордовских имен, сейчас вышедших из употребления, но частично встречающихся в составе фамилий, а также топонимов. Т. И. Тепляшина (Москва) привела новые аргументы в пользу гипотезы о тюркском происхождении бесермян. В докладе Г. Я. Симиной (Ленинград) охарактеризована русская средневековая антропонимическая система, соотношение имени и прозвища, вопросы происхождения современных отчеств и фамилий.

В. А. Никонов в заключительном докладе «Нерешенные вопросы ономастики Поволжья» подвел итоги конференции. Вторую Поволжскую конференцию решено провести в 1968 г. в Горьком, третью — в 1969 г. в Саранске.

В заключение хотелось бы отметить превосходную организацию конференции.

М. А. Членов

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ЗАГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-ХОУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

7 июня 1967 г. в Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике открылась новая экспозиция «Русское народное искусство XVIII — начала XX века». Народная одежда, утварь, домовая резьба, предметы крестьянского интереса, образцы ткачества, вышивки, изделия из металла, собранные во многих областях страны почти за полувековую историю существования музея¹, дали возможность создать прекрасную выставку народного искусства. Экспонаты размещены в семи залах. В первом зале выставлены образцы искусства резьбы по дереву, во втором — росписи по дереву, третий зал знакомит посетителей с различными видами художественной обработки металла, четвертый с искусством набойки, пятый и шестой — с народной одеждой, — образцами ткачества и вышивки. В седьмом зале экспонируется золотое шитье и женские головные уборы.

В первом зале, на стенах которого размещены лобовые доски, наличники окон, очелья ворот, украшенные «корабельной резьбой» — растительным орнаментом с изображениями львов, птиц и берегинь, обращает на себя внимание фронтон избы с датой 1882 г., привезенный из Кстовского района Горьковской области. В узор фронтона (резчик М. Малышев), составленный из причудливо переплетающихся побегов с широкими листьями, включены гроздь винограда. Полоса розеток как бы отделяет резьбу причелин от богатого декора наличника светелки и нижней части фронтона. Типичная для народного жилища Поволжья резьба этого фронтона до сих пор сохраняется в селах и даже в городах Горьковской области (Городец, Кстово, Сормовский район

¹ Музей был основан 20 апреля 1920 г. специальным декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина.